

С Т Е Н О Г Р А М М А

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ КПСС
Партийная комиссия

Б Е С Е Д А с тов. КУЗИНЫМ.

20 декабря 1960 года.

г. Ленинград, Смольный.

Отп. 2 экз. Стенографировала - Сметанникова З.В.

Б Е С Е Д А с тов. КУЗИНЫМ.

20 декабря 1960 года

Присутствовали - т.т. Зотов Б.Л., Боград Г.Я., Лобанов К.Г.,
Козьмин Г.И.

Тов. КУЗИН:

Шофером я работал с 1929 по 1937 год.

- Какой класс у Вас был?

- Второй. Сначала я закончил курсы шоферов (Техмасс), потом служил в пограничных войсках. Принимал участие в борьбе с басмачеством. В декабре месяце 1933 года демобилизовался из Армии. Я был комсомольцем, кандидатом в члены партии. Пошел в райком партии, меня направили в гараж ОГПУ. На работу меня принимали Гирин - зав. гаражом и Католин. На работу в гараж пришел числа второго января в 1933 году. За мной закрепили грузовую оперативную машину, на которой я стал работать. Машина была совершенно новая, выпуска примерно конца 1932 года.

- Машины проходили технические осмотры?

- Технические осмотры делались через две недели или через месяц в гараже. Обычно в конце месяца делались осмотры. Еще была выделена комиссия шоферов, она осматривала машины. Каждый шофер был очень заинтересован, чтобы машина была в порядке, а иначе ему не давали 40 рублей премию.

112
25

За техническим состоянием машин следили очень строго. Сами шоферы идут человека три, берут бумагу и пишут: у кого в каком состоянии машина.

- Вы говорите, осмотры производились в конце месяца, значит в ноябре месяце ваша машина тоже проходила осмотр?

- Примерно в конце ноября проходила осмотр.

- Как это фиксировалось?

- Была комиссия шоферов, они осматривали машины и писали в книгу, даже не тетрадь была, а такая большая книга.

- Как оформлялись документы при выезде?

- Я работаю на машине сутки, потом осматриваю машину и пишу в путевке, что машина в порядке. Потом сменщик смотрит в путевку и проверяет машину.

- Кто подписывал?

- Механик. Фамилия его как будто бы Пашков.

- Он на путевом листе расписывался?

- Не помню.

- В данном случае был путевой лист?

- Да.

- Куда он девался после события?

- Он должен быть в деле. Путевой лист был правильно оформлен, подписан механиком, что машина исправна. У каждого шофера была такая сумочка сделана для путевых документов.

- Вы бесспорно знаете, что в этот день был путевой лист?

- Бесспорно.

- Путевой лист на Вас был или на сменщика?

- Мой.

- Вы говорите, что в данный конкретный день ваша машина была исправна?

- Исправна.

- Там пишут насчет передней рессоры - не хватает семи листов.

- Там имеется центральной болт и имеются по бокам хомутики. Вот эти хомутики были?

- Были.

- И центральной болт?

- И центральной болт.

- Там пишут, что недоставало семи листов.

- Тогда было бы невозможно ехать.

- Накануне были большие поездки, например, за город? Никаких аварий, столкновений не было?

- Не было.

Я выехал из гаража, поехал на Невский, дом. 27, с Невского повернул по Литейному проспекту, приехал на улицу Войнова. Выехал из гаража, который и сейчас находится на том же месте, проехал мимо Исаакиевского собора, выехал на Невский проспект, дом. 27. Я подъехал, а начальник - Мюллер стоял ждал меня.

- Почему Мюллер ждал вашу машину?

- Я его возил, за ним была закреплена эта машина.

Я посадил Мюллера в машину и поставил машину на улице Войнова. Он мне приказал: "Ни с кем никуда не езд".

- Машина в пути не чихала, не качалась, рулевое управление было исправно?

- Да. Все было исправно.

- Вы с Мюллером какие операции делали на машине?

- Мюллер был начальником отделения. У него не было легковой машины. Эта машина использовалась как легковая.

- Больших грузов на ней не возили?

- С 1933 по январь 1934 года я никаких грузов не возил на этой машине, если только привезу полметра или метр дров, или на завод доеду, возьму пакет для деталей. Машина использовалась как легковая.

- Мюллер Вас ждал?

- Я по Невскому проехал мимо Исаакиевского собора, подъехал к Большому дому и остановил машину. Мюллер пошел в отдел. Мне сказал: подожди вот здесь (там было помещение, вроде комнаты ожидания). Я только пришел, сел, это было примерно в II-м часу дня, ко мне подходит Малий, говорит: "Поедем в Смольный". Я говорю, что не поеду, мне начальник приказал никуда не выезжать без его разрешения. Потом Виноградов подошел. Я тоже отказался. Затем подходит Максимов - секретарь оперативного отдела, приказывает поехать. Я поехал.

- Почему Максимова послушали?

- Он был секретарем партийной организации. Я Максимова тоже сказал - не поеду, потому что мне начальник приказал никуда не ездить без его разрешения. А он говорит, что я старше начальника. Я поехал.

- Расскажите, вот Вы переезжаете перекресток - Потемкинская улица, тут раньше была трамвайная линия, трамвай раньше там поворачивал, Вы переезжаете и несколько заезжаете

на рельсы. Там Вам мешало что-нибудь? Там стояла трамвайная вышка.

- Дорога была совершенно чистая и свободная, никакой вышки не было.

- Светофор какой был?

- Тогда, по-моему, светофора не было, точно не помню. Регулировщика не было. Я переехал перекресток.

- Объезда никакого не было?

- Нет. Малий у меня вырвал руль, он сидел справа, машина повернула направо, Малий хотел выпрыгнуть, а я не дал ему выпрыгнуть. Машина стукнулась только одной дверцей.

- Когда Малий вырвал руль, машина повернула направо, ударилась колесом и колесо спустило?

- Да, колесо спустило и стукнулось о поребрик. Машину тряхнуло. Дверца была открыта, я повернул руль на свое место, остановил машину и вышел.

- От поребрика до стенки метра четыре с лишним было?

- Нет, там не было четырех метров, меньше было. Я держался около центра, ехал во втором ряду.

- Когда Малий схватился за руль, Вы боролись за руль?

- Я боролся за руль и тормозил машину.

- Тут отпечатался след, 3,5 метра след по стене, потом 9,5 метра до трубы и после трубы 6,5 метра на тормозах, затем съезд. Получается 19 метров до съезда и 2,5 метра здесь (показывает схему).

- Если бы было так, как сейчас нарисовано, то труба была бы снесена. Сейчас трубы жесткие стоят, а тогда трубы

очень мягкие стояли и крюки были другие. Крюки так же расположены. Трубы были шире и крюки были сделаны не такие как сейчас, а просто крючечки, завязанные проволокой. Труба не была задета, на трубе вмятин не было.

Когда я остановил машину, вижу, что Виноградов побежал в соседний дом, в кузове никого нет. А Малий выскочил, у машины стоит. Я вскочил в машину, смотрю, из правого виска Борисова течет кровь, правая сторона головы разбита. Выскочив из машины, я закричал: убили! убили! Тогда Малий сказал: "Смотри, щенок, не ори, а то вот пистолет".

- Скажите, после этого что с машиной стало?

- Они остановили попутную легковую машину, которая шла из Смольного, Борисова перебросили в эту машину и повезли в Большой дом. Я стал вызывать инспектора. Милиционер мне помог вызвать инспектора. Я вызвал инспектора, а за мной приехал Гусев. Гусева я видел раньше как сотрудника НКВД. А Борисова никогда не видел.

- Гусева никогда больше не встречали?

- В 1937 году меня вызвали в суд, там я видел Гусева. Гусев не дал осмотреть машину с инспектором.

- Откуда приехал Гусев?

- Из Большого дома, на легковой машине.

- Инспектор на чем приехал?

- Инспектор приехал на легковой машине. В это время еще где-то была авария. Одного инспектора оставили здесь, а другой поехал к Охтинскому мосту.

- При Вас составляли схему?

- Без меня. Я ничего не видел. Инспектору не дали ос-

мотреть машину.

- Самым первым прибыл Гусев?
- Да, Гусев.
- Он в штатском или в военном был одет?
- В штатском.
- Почему Гусев командовал инспектором?
- Инспектор знал, что он сотрудник.
- Почему Вы знали, что он из НКВД?
- Я в оперативном отделе Гусева встречал и шофера знал, он приехал с шофером. Фамилия шофера, по-моему, Васильев.
- Вы с ним позже не встречались?
- Нет.
- Сколько времени находились на месте происшествия?
- Минут пятнадцать, может быть, меньше.
- Инспектор приехал, Гусев его не допустил. Что было потом?
- Потом мы поехали?
- Кто ехал в машине?
- Гусев, я и инспектор.
- Кто остался на месте?
- Милиционер.
- Кто транспортировал машину?
- Не знаю.
- Вы её больше не видели никогда?
- Видел в гараже, когда освободился.
- На другой день работали на ней?

- Нет, она стояла. Она долго стояла, к ней никого не допускали.

- Она ушла своим ходом?

- Своим. Когда я был освобожден, я спросил у шоферов, как машина шла? Шоферы мне сказали, что машина шла своим ходом.

- Кто мог видеть, что машина шла своим ходом?

- Я был арестован. По-моему, Янелис может подтвердить.

- Какой характер ремонта был, Вы не знаете?

- Не знаю.

- Янелис мог знать, он в этом гараже работал?

- Да.

- Значит, рессоры были исправны, машина работала только два года. Сколько километров она прошла примерно?

- В машине все было исправно. Она прошла может быть 30 тысяч километров, может быть меньше, потому что гонки особой не было. Машина была в хорошем состоянии.

- Вы никаких следов на стенке и трубе не видели?

- Нет.

- Следов одежды на трубе не видели?

- Нет. Труба была цела.

- Борты не были нарощены?

- Нет.

Посредине стояла скамеечка, она намертво была прибита. Одна и вторая планки были прибиты и положена доска. Она никакой качки не имела. Подходила к самой кабине.

II.

- Её вынуть можно было?
- Можно.
- Лицом по движению нельзя было встать?
- Когда машина шла, Виноградов стоял, держась за кабину.
- Виноградов всю дорогу стоял?
- Я потом не смотрел, видел только как поехал. Когда Виноградов шел, руки у него были в кармане, плащ был растегнут.
- На борту никто не сидел?
- Нет, на борту не могли сидеть.
- Он никак не мог убиться о стенку, потому что не мог достать головой стенку.
- Вы знаете, что он находился в углу на скамейке, а не на борту?
- Он сидел почти в центре, а не в углу.
- Скамейка давно была поставлена?
- Скамейка новая.
- С какой целью она была поставлена?
- Иногда приходилось двоих-троих сотрудников везти, поставили скамейку, чтобы они могли сесть.
- Что делалось с машиной потом, Вы никак не знаете и больше нигде не участвовали?
- Нет.
- После того, как Вас задержали первый раз, некоторое время потом Вы работали в этом гараже?
- Меня выгнали из этого гаража как плохого шофера.

Я до 1937 года работал шофером.

- У Вас со здоровьем все в порядке было? Зрение было в порядке?

- Я был совершенно здоров. Тогда я только из Армии был демобилизован. Когда проходил комиссию, ничего не могли обнаружить.

- Почему из Армии ушли?

- Демобилизовался.

- Фары целы были?

- Целы.

- Стекла где были?

- Стекла были на подножке.

- Окровавленных стекол не было?

- Нет. В кузове была кровь. Стекол в кузове не было.

- Получается, что машина до этого была исправна?

- Исправна.

- А есть старожилы в этом гараже? Не можете кого-нибудь назвать?

- Не помню. Я в гараж не ходил, как уволился, так и не ходил.

- Никого из членов комиссии, осматривавших место происшествия, Вы не видели в глаза, как схему составляли, Вы тоже не знаете и составляли ли её вообще, Вы не знаете?

- Нет. К осмотру машины я не был допущен.

Сослались на техническую неисправность машины, человек погиб - почему не судили меня за то, что я выехал на неисправной машине? Меня выпустили и уволили из гаража как пло-

хого шофера.

Когда нас освободили, Малий в отношении меня говорил: "А я думал, этому ценку дадут пять лет!". А я ему сказал: а я думал, что этого оперуполномоченного расстреляют.

- Как долго продолжалась борьба за руль?

- Это были секунды.

Пока я ехал до места аварии, я никаких неисправностей в машине не чувствовал.

- Почему поехали здесь, а не прямо?

- Прямо не было дороги. Я стоял на улице Войнова и прямо поехал.

- И раньше приходилось этим путем ездить?

- Да.

- Дорогу Вы прекрасно знали?

- Да. Дорога была хорошая, исправная. Асфальт был сухой.

В 1934 году, когда меня освободили, я не был согласен с выводом о том, что машина была неисправна и поэтому произошла авария.

- Вам показали эту схему?

- Нет, мне ребята рассказали в гараже.

- Вы не можете назвать старожилы?

- Я забыл всех. С Янелисом встретился и то его не узнал, узнал только после того, как он назвал себя.

- Вы называли какие-то фамилии?

- Я называл начальника гаража - Гирину и механика - Пашкова.

- А фамилию сотрудника, который прибыл из ОРУД"а, Вы не помните?

- Мне называли его, сейчас я не помню. Я с этим сотрудником встретился в 1937 году, когда Гусева трибунал судил, этот инспектор был свидетелем. Когда в перерыв вышли, он у меня спросил: "Не ты подал заявление, что Борисов погиб из-за неисправности машины?". Я говорю: нет, я сам только вышел. В 1937 году меня обвинили как участника контрреволюционной группы, выполнившего одно из её заданий.

- Он один был этот сотрудник из ОРУД"а?

- Один. Ехали два инспектора: один остался на этой аварии, а второй поехал дальше, к Охтинскому мосту.

- Вам такие фамилии не знакомы - Малькевич, Оскэцкий?

- Я не знаю таких фамилий.

